ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 130.01
DOI: 10.31249/naukoved/2026.01.04

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ПОСТЧЕЛОВЕКЕ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ XX ВЕКА

Григорьев Роман Викторович – аспирант, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, rorikdjan@yandex.ru; ORCID 0009-0005-4963-3583

Аннотация. В статье представлен философско-антропологический анализ ключевых прогностических нарративов XX века, ответственных за конструирование образа «постчеловека» – существа, чья природа радикально трансформируется под влиянием науки и техники. Цель работы заключается в выявлении и систематизации основных философских предпосылок и социокультурных последствий этих нарративов, формирующих поле конфликтующих сценариев будущего – от утопий улучшения до антиутопий утраты человеческого. Методологической основой исследования выступает междисциплинарный синтез, сочетающий дискурс-анализ трансгуманистической и постгуманистической литературы и философскую антропологию. В результате выделены и подробно рассмотрены три взаимосвязанных проблемных вектора. Первый посвящен метафизико-онтологической редукции человека в трансгуманизме, где человеческая субъективность трактуется как набор биомеханических функций, что и становится главным предметом критики. Второй вектор анализирует феномен киборгизации как глубинной трансформации телесности и идентичности, ведущей к становлению гибридной, «достроенной» субъектности. Третий вектор раскрывает социально-политические и этические риски технизации, включая углубление неравенства, возникновение «алгократии» и проблему ответственности в духе Г. Йонаса. Делается вывод, что прогностические нарративы являются не просто футурологическими прогнозами, но и активными инструментами антропологического воображения, которые структурируют понимание возможного будущего и требуют для своей оценки преодоления редукционизма через «сложностное мышление» и целостные междисциплинарные стратегии.

Ключевые слова: прогностические нарративы; постчеловек; трансгуманизм; киборгизация; философия техники; антропологическое воображение; технизация культуры; образ будущего.

Для цитирования: Григорьев Р.В. Прогностический дискурс о постчеловеке в философии науки и техники XX века// Науковедческие исследования. – 2026. – № 1. – С. 53–72. DOI: http://www.doi.org/10.31249/naukoved/2026.01.04

Статья поступила в редакцию 29.01.2026
Принята к публикации 20.02.2026

PREDICTIVE DISCOURSE ABOUT THE POSTHUMAN IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY OF THE TWENTIETH CENTURY

Roman V. Grigoriev – postgraduate student, Southwest State University, Kursk, Russia, rorikdjan@yandex.ru; ORCID 0009-0005-4963-3583

Abstract. The article presents a philosophical and anthropological analysis of the key predictive narratives of the 20th century responsible for constructing the image of the "posthuman" being, whose nature is radically transformed under the influence of science and technology. The purpose of the work is to identify and systematize the main philosophical premises and socio-cultural consequences of these narratives, which form the field of conflicting scenarios of the future – from utopias of improvement to dystopias of loss of humanity. The methodological basis of the research is an interdisciplinary synthesis combining discourse analysis of transhumanistic and posthumanistic literature and philosophical anthropology. As a result, three interrelated problem vectors are identified and considered in detail. The first one is devoted to the metaphysical-ontological reduction of man in transhumanism, where human subjectivity is interpreted as a set of biomechanical functions, which becomes the main subject of criticism. The second vector analyzes the phenomenon of cyborgization as a deep transformation of physicality and identity, leading to the formation of a hybrid, "completed" subjectivity. The third vector reveals the socio-political and ethical risks of technization, including the deepening of inequality, the emergence of "algocracy", and the problem of responsibility in the spirit of G. Jonas. It is concluded that predictive narratives are not just futurological forecasts, but also active tools of the anthropological imagination that structure the understanding of a possible future and require overcoming reductionism through "complex thinking" and holistic interdisciplinary strategies for their assessment.

Keywords: predictive narratives; posthuman; transhumanism; cyborgization; philosophy of technology; anthropological imagination; cultural technology; image of the future.

For citation: Grigoriev R.V. Predictive discourse about the posthuman in the philosophy of science and technology of the twentieth century. *Naukovedcheskie issledovaniya = Science Studies.* 2026, N 1, P. 53–72. DOI: http://www.doi.org/10.31249/naukoved/2026.01.04

The paper was submitted 29.01.2026
Accepted for publication 20.02.2026

Введение

В течение XX века философия выработала несколько принципиально различных, но взаимосвязанных прогностических нарративов, формировавших представление о «постчеловеке» – существе, чья антропологическая конституция радикально трансформируется под воздействием инноваций науки и техники. Эти нарративы не образуют единой доктрины, а выступают как поле конфликтующих проектов: от оптимистических сценариев «улучшения» человека до предупреждающих сценариев утраты человеческой природы. Отечественные критики трансгуманизма подчеркивают, что в соответствующих дискурсах человек часто редуцируется до биомеханической и информационной совокупности процессов, что сводит

представление о человеке к объекту инженерного проектирования [Смирнов, 2022; Гнатик, Лисеев, 2023]. Так, по наблюдению С.А. Смирнова, в трансгуманистическом дискурсе человек «редуцируется до биологического тела», а его высшие способности сводятся к нейрофизиологическим функциям мозга [Смирнов, 2022]. Все то, что ранее считалось сущностным в человеке, может быть представлено как функция живого «железа» и в перспективе воспроизведено или заменено технически. С этой позиции вопрос проектирования «улучшающего» человека рассматривается не как утопическое фантазирование, а как реальная социально-технологическая практика с мощными прогностическими последствиями [Гнатик, Лисеев, 2023; Емелин, 2018].

В ходе анализа литературы можно выделить три ключевых вектора, связанных с тремя проблемами: метафизико-онтологической редукцией человека в трансгуманистическом дискурсе, феноменом киборгизации и сращения тела с техникой, а также социально-политическими и этическими последствиями технизации, в том числе рисками неравенства и утраты ответственности. Эти векторы перекликаются с проблематикой прогностических нарративов, поскольку каждое видение будущего, будь то утопическое, антиутопическое или коэволюционное, формирует определенный антропологический образ и «политику возможного» [Брайдотти, 2021; Данилов-Данильян, 2022; Морен, 2021].

Метафизико-онтологическая редукция человека в трансгуманистическом дискурсе

Трансгуманистические нарративы часто конструируют человека как набор функциональных режимов – биологических, информационных и вычислительных, которые теоретически могут быть моделированы, усилены или замещены технологией, в результате чего человек превращается в объект инженерного проектирования [Смирнов, 2022, с. 65]. Эта редукция многими философами рассматривается как логическое ядро трансгуманистических прогнозов, от диагностики ограничений биологического тела – к проекту его преодоления, от усиления когнитивных функций – к обещанию «цифрового бессмертия» и «загрузки сознания» в технические носители [Гнатик, Лисеев, 2023, с. 290; Фролов, 1983, с. 63]. При этом вопрос создания «сильного ИИ» сводится к разработке мер, позволяющих «принудить человека подчиняться» [Гнатик, Лисеев, 2023, с. 290]. Авторы всерьез беспокоятся, что растущая глобальная тенденция «залипания» молодого поколения в виртуальных мирах может готовить основу для трансгуманистического общества будущего [Гнатик, Лисеев, 2023, с. 290]. Перед нами действительно возникает угроза конструктивного манипулирования человеком, под предлогом расширения возможностей – не столько со стороны злых гениев, сколько через сами технологические структуры, воспитанные

на тех же кибернетических принципах. Важный вклад в переосмысление антропологической проблематики в условиях технизации вносят современные постгуманистические интерпретации. К примеру, Р. Брайдотти развивает идею постчеловеческой субъектности, предлагая концепцию «кочевого субъекта», который не зафиксирован на теле, идентичности, нации, и постоянно пересекает границы, соединяя в себе техническое, культурное и природное. Эта концепция подчеркивает, что человек – лишь одна из многих форм жизни, и что постгуманизм является шансом для нового начала. Такой подход помогает уйти от простой «утраты» человека и перейти к анализу новых форм субъектности, возникающих в результате технизации [Брайдотти, 2021].

Поворот к изучению мультифакторных взаимодействий методологически важен для исследования *технокультурных трансформаций*. Э. Морен предлагает концепцию «сложностного мышления», которая фокусирует внимание на нелинейности, рекурсивных обратных связях и появлении свойств эмерджентности в сложных системах. В отечественной философии науки эту линию последовательно развивает В.И. Аршинов, предлагая собственную концептуальную разработку парадигмы сложностности. В ряде работ, включая статью «Наука как когнитивно-семиотический процесс в оптике парадигмы мышления-вместе-со-сложностностью», Аршинов подчеркивает, что речь идет о процессуальном, рекурсивном мышлении, которое противопоставляется парадигме простоты не как отрицание упрощения, а как осознаваемая стратегия редукции сложностности [Аршинов, 2023, с. 81]. Эта традиция позволяет соотносить локальные технические артефакты и практики с макроуровневыми антропологическими изменениями. Такой набор методологических инструментов дает возможность анализировать множественные, взаимно влияющие процессы, от технологических нововведений и медиарепрезентаций до социальных практик и образов субъекта, и тем самым повышает адекватность прогностических построений о будущем человека в условиях технокультурной динамики [Морен, 2021, с. 48].

В трансгуманистическом дискурсе человек часто редуцируется до чисто технократической или биологической сущности, что означает снижение его метафизического и онтологического статуса. Традиционные антропологические параметры, такие как мышление, нравственность, ответственность, личность отвергаются, и человек представляется как «биоидное существо», состоящее из отдельных модулей или «единиц жизненных практик» (так называемых «бимов»), которые можно «оцифровать» и комбинировать по принципу матрицы.

Как отмечает Ю.В. Лоскутов, онтология трансгуманизма имеет антиэссенциалистский и антисубстанциальный характер. Принцип «изофункционализма» в рамках одного уровня сложности якобы позволяет заменить человека машиной, однако более простая система не способна адекватно отразить сложность человеческой личности. Любая попытка

«перекладывания части собственно человеческих функций на искусственные модели», по его мнению, обедняет человека и «разрушает человеческую сущность» [Лоскутов, 2025]. В итоге возникает концептуальная «подмена»: сначала человек редуцируется до модели – набора функций, а затем делается вывод, что его можно в принципе полностью заменить машиной. Этот процесс ставит под сомнение всю философско-антропологическую традицию, появляется «опыт инаковости», требующий пересмотра классических критериев самости и ответа на вопрос, что делает человека человеком. Аналогичные критические замечания у С.А. Смирнова – трансгуманизм отрицает классическую идею самотождественного существования человека, заменяя духовные «практики заботы о себе» техническими «функциями», и трактует человека как чистую биофункциональную конструкцию [Смирнов, 2022, с. 65].

Смена антропологической стратегии обусловлена, как подчеркивает С.А. Смирнов, стремлением победить смерть. Разомкнутость человеческого бытия заменяется желанием избежать страданий. Трансгуманисты в духе медикализма обещают человечеству «исцеление» от смертности, при котором любое биологическое ограничение (старение, болезнь) должно быть преодолено технологически. В результате смысл жизни редуцируется «к существованию биотехнических гибридных тел-роботов», где у постчеловека остаются лишь две функции – чувство страха и удовольствие [там же]. Такая концептуальная подмена сопровождается идеологией комфорта как высшего блага, вследствие чего трансгуманисты уверяют, что в будущем постчеловек будет жить лучше, в комфорте, будет благополучен, а все его желания будут удовлетворяться автоматически. Манипулятивная стратегия заключается в том, чтобы представить отказ от человеческой экзистенции как благо – избавление от страданий и страхов. Смирнов С.А. описывает, как страх смерти и утопия комфорта «поставили человека в пользу выбора «не быть» [Человек и новый…, 2023, с. 32]. Отказавшись «быть» в традиционном смысле, человек теряет саму свою сущность и становится принципиально заменимым. Так, лейтмотив трансгуманизма – «радикальная редукция человека», сводящая его к чистой индивидности – особи, «в результате чего он становится заменим как по частям, так и в целом» [Смирнов, 2022, с. 65].

Аналогии с классической механистической антропологией лишь усиливают острые вопросы. Западная традиция трактует человеческое тело как механизм. Уже в XVII веке в «Трактате о человеке» Декарт представлял тело «как механизм из костей, облеченных в плоть, и оживленных Богом вложенной в них душой» [Емелин, 2016, с. 17]. Подобное разграничение подсознательного и физического заложено в европейской традиции. Трансгуманизм фактически полностью уравнивает эти уровни, что делает обсуждение высших способностей человека и моральных качеств вторичным. Как отмечает Р.А. Иванова, такой образ человека-машины коренным образом лег в основу механистической парадигмы: тело предстает как со-

вокупность материальных частей и процессов, без учета целостной духовно-социальной природы человека. Именно в рамках этой парадигмы трансгуманизм формулирует идею, что все человеческие свойства можно свести к информационно-функциональным схемам и воспроизвести их на техническом носителе, ставя под вопрос саму метафизическую основу человеческого «существа». Выход человека за пределы биологической природы и его повторение в виде «архитектуры» машин начинается с редукции – человека понимают не как целостное «субъектное» сущее, а как совокупность дискретных элементов – телесных, ментальных, психологических параметров. Так, Н.Н. Ростова подчеркивает, что в трансгуманизме «стирается различие между живым и неживым», и человек в результате такой редукции становится «эквивалентом машины» [Ростова, 2022, с. 135]. Это означает, что биологический человек перестает рассматриваться как уникальная онтологическая категория, а превращается лишь в один из технических носителей разума. Таким образом, онтологическая редукция ставит под угрозу привычное понимание человеческого бытия, вынуждая философию переосмыслить основания субъективности и вывести новые критерии ценности человека.

В западной философской критике подобные идеи также подвергались анализу. Ф. Фукуяма, например, признает потенциальную пользу биотехнологий для здоровья человека, но настоятельно предупреждает об угрозах, которые такие технологии несут для вида homo sapiens, и призывает к жесткому регулированию изменений природы человека [Фукуяма, 2004, с. 182]. Ю. Хабермас в своих дискуссиях подчеркивает опасность нарушения целостности человеческой природы: введение генетических улучшений может привести к расколу людей на биологически «новое» и «старое» поколения и подорвать фундамент морали и автономии личности [Хабермас, 2002, с. 23]. В этом ключе метафизическая редукция проявляется как утрата человеческого достоинства: человек оказывается не высшей ценностью сам по себе, а лишь любым контейнером, который можно реконструировать по чужому проекту. С философско-онтологической точки зрения речь идет о том, что человек утрачивает статус существа со своим внутренним «бытием» – он превращается в «пустоту», наполненную данными и алгоритмами.

Постгуманизм предлагает другой ракурс, отходя от ностальгии по утраченной «сущности» человека и исследуя появление новых форм субъектности. Схожие идеи обсуждаются в теории сложности Э. Морена. Морен подчеркивает, что при прогнозировании техно-будущего необходимо учитывать нелинейность систем, эффекты эмерджентности и множественные взаимосвязи между локальными инновациями и глобальными антропологическими изменениями. Такой «сложностный» подход позволяет выходить за рамки редукционистских нарративов и анализировать, как технокультурная динамика продуцирует новые формы жизни и сознания. В совокупности эти постгуманистические интерпретации показывают:

вместо окончательного исчезновения «человека» мы сталкиваемся с трансформацией субъектности, где люди, машины и среды образуют единую экосистему потенциально новых самоидентификаций.

В результате трансгуманистический подход ставит под сомнение весь арсенал философско-антропологических концепций. Как указывают исследователи, современный гуманизм сталкивается с требованием признать «гетерогенность», несводимость человека к самому себе. Современность размывает не только понятие «человек», но и само явление «человек», выступающее теперь в образе трансгуманизма. Это меняет статус субъекта: возникает новый «опыт инакости», внутреннего Другого, который требует ревизии классических критериев самости. Таким образом, онтологическая редукция в трансгуманистическом дискурсе ставит под вопрос традиционное понимание человеческой субъективности и побуждает философскую антропологию искать новые основания для ее осмысления.

Феномен киборгизации и сращения тела с техникой

Говоря о втором векторе исследования, в контексте проблематики прогностических нарративов, а именно о феномене киборгизации, можно рассмотреть его не просто как внедрение протезов или имплантатов, а как интеграцию технологий в структуру идентичности. Современные исследования демонстрируют, что интеграция технологических артефактов в телесную схему ведет к возникновению качественно новых конфигураций субъективности, стирающих привычные границы между органическим и искусственным, внутренним и внешним, природным и артефактуальным. Сегодня киборгизация понимается не только как установка искусственных протезов и имплантатов, но и как симбиотическое соединение человека и техники. Если классические протезы компенсировали недостаток, стремясь к невидимости и функциональной эквивалентности, то современные имплантаты и интерфейсы, такие как кохлеарные импланты или экспериментальные нейрочипы, претендуют на усиление и расширение исходных человеческих возможностей, конституируя тем самым новую телесную норму. По О. Гурову, этот процесс знаменует собой «поворотный момент» в истории человека, переход от чисто органической эволюции к эволюции, «симбиотически переплетающейся с технологией» [Гуров, 2024, с. 4].

Важнейшим аспектом киборгизации становится ее влияние на ядро личностной идентичности. Психологические и философские исследования фиксируют феномен инкорпорации технологического элемента в схему тела и образ Я. Потеря или сбой такого элемента – будь то смартфон как экзокортикальное расширение памяти или сложный бионический протез – переживается субъектом не как утрата инструмента, а как ампутация части самого себя, сопровождаемая чувством фантомной боли, тревоги и дезориентации [Clark, 2003]. Эту логику включения технологического арте-

факта в структуру самости подтверждают и исследования феномена интернет-зависимости, где выпадение из виртуального пространства воспринимается как форма депривации, а разрыв с цифровой средой переживается как экзистенциальный дискомфорт и утрата части привычного мира [Мамедов, Писарева, 2020]. В более широком контексте речь идет о формировании аддиктивных механизмов, при которых технология выступает не просто инструментом, но необходимым медиумом самоподдержания идентичности, будь то зависимость от социальных сетей, гейминг или номофобия – страх остаться без мобильной связи [Локова, Ханова, Захохова, 2024, с. 18]. Это свидетельствует о том, что технологические артефакты перестают быть нейтральными объектами во внешнем мире, они становятся составными частями динамической границы субъекта, участвуя в непрерывном процессе его самоопределения. В итоге люди уже ощущают потерю технологии как утрату части Я, а само «эго» приобретает качество расширенного или достроенного. Российские исследования отмечают, что технопротезы и цифровые расширения тела перестают оставаться внешними инструментами и становятся частью ядра переживания Я. Потеря такого расширения, воспринимается как утрата части личности – феномен, значимый для понимания антропологического образа постчеловека [Емелин, 2016, с. 17]. Концепция «кочевого субъекта» Р. Брайдотти получает здесь конкретно-эмпирическое измерение – субъективность действительно проявляет себя не как фиксированная субстанция, а как процессуальность, текучесть, способная инкорпорировать в свою организацию разнородные элементы – биологические, технические, информационные [Брайдотти, 2021].

Этот онтологический сдвиг ставит под вопрос традиционные категории автономии и аутентичности. Тело, постоянно генерирующее цифровой след и получающее обратную связь из среды, оказывается вписанным в сеть управляющих воздействий, источник которых не всегда прозрачен для самого индивида. Проблема контроля обретает двусторонний характер – с одной стороны, это вопрос о том, кто обладает властью над протоколами и программным обеспечением, определяющими функционирование имплантированных устройств; с другой – это более глубокая экзистенциальная проблема удержания целостности Я в условиях его принципиальной открытости и технологической перезаписываемости. В этом контексте критика, звучащая в адрес трансгуманизма, получает новое звучание – опасность заключается не только в редукции человека к функции, но и в рассеивании его субъективности по гибридной сети, где агентность становится распределенной, размытой и подверженной внешнему программированию.

Такое рассеивание ставит под сомнение не только пространственные, но и темпоральные границы человеческого существования. Киборгизация вводит радикально новую логику взаимоотношений со временем, болезнью и смертью – традиционными пределами человеческой конституции. Если классический аскетический идеал был направлен на подготовку

к конечности через «заботу о себе», то современная техническая модификация предлагает стратегию прямого преодоления временных ограничений через «хроноинженерию». Как показывают исследования, такие практики, как биохакинг и нейрохакинг, нацелены не просто на улучшение когнитивных функций, но и на фундаментальную перестройку временных ритмов тела – борьбу со сном, усталостью, старением, тем самым они стремятся к состоянию постоянной продуктивной доступности [Гришечкина, Тихонова, 2021, с. 102–110]. Это превращает время из фона экзистенции в объект технического управления и оптимизации, что ведет к глубокой трансформации экзистенциального опыта, в результате, жизнь начинает восприниматься не как уникальная, ограниченная во времени история, а как совокупность подлежащих оптимизации процессов, что напрямую коррелирует с трансгуманистическим проектом «исцеления от смертности».

Экзистенциально-эстетическое измерение этого процесса раскрывается в изменении самого способа переживания телесности и ее границ. Тело-киборг – это не просто функционально улучшенное тело, это тело, чья материальность и восприятие постоянно опосредованы техническими интерфейсами. В результате возникает специфический тип «техночувственности», где сенсорный опыт (зрение через имплант, осязание через тактильный датчик) оказывается изначально отфильтрован и структурирован алгоритмической логикой. Это порождает парадоксальный эстетический опыт, с одной стороны, тело обретает беспрецедентную расширенность и связность со средой, с другой – эта связность сопряжена с чувством глубокой онтологической неукорененности, «прозрачности» собственных границ. Как отмечает В.А. Емелин, технологическое расширение ведет к формированию «рассеянной идентичности», которая не принадлежит полностью ни органическому телу, ни цифровой среде, пребывая в состоянии постоянного онтологического напряжения [Емелин, 2018, с. 103–115]. Таким образом, киборгизация проблематизирует не только «что есть Я», но и «как это Я чувствует и переживает себя», ставя под вопрос феноменологическую данность человеческого опыта. В пределе этот процесс ведет к стиранию границ между физической и виртуальной реальностями, когда последняя перестает восприниматься как вторичная или сконструированная, но обретает статус равноправной, а порой и доминирующей среды существования. Современные исследования фиксируют феномен «спутанности восприятия», при котором человек утрачивает способность к четкой дифференциации между реальным и виртуальным мирами, что влечет за собой деформацию психики и трансформацию личности [Исакович, Ларкин, 2023, с. 5]. Виртуальность становится основой человеческого существования, придавая реальным событиям характер воображаемого и формируя новые стратегии субъективации [Мантуров, 2015]. В этом контексте цифровая среда выступает не просто как инструмент или расширение, но как самостоятельное онтологическое простран-

ство, где идентичность обретает множественный, текучий и принципиально незавершенный характер. Критическим барьером для полного слияния реального и виртуального выступает, однако, социально-культурная идентичность и телесная самость человека, которые не поддаются тотальной алгоритмизации и цифровому дублированию.

С философско-антропологической точки зрения, это означает, что киборгизация актуализирует не просто вопрос о замене частей тела, а вопрос о трансформации условий самой человеческой воплощенности (embodiment). Классическая феноменология рассматривала тело как «нулевую точку» ориентации в мире, необъективируемый фундамент опыта. Тело-киборг, будучи принципиально объективируемым (через данные, настройки, апгрейды), смещает эту точку, делая саму воплощенность подвижной, конфигурируемой и отчуждаемой. Этот сдвиг имеет далеко идущие последствия для прогностических нарративов. Образ постчеловека в свете этого предстает уже не как статичный «биоид» или «машина», а как процессуальная и реляционная сущность, чье бытие заключается в непрерывном взаимодействии, обмене данными и реконфигурации на стыке органического и искусственного. Следовательно, исследование киборгизации требует методологии, способной ухватить эту динамическую сложность. Подход, предложенный Э. Мореном, с его акцентом на нелинейность, эмерджентность и циклические причинности, оказывается здесь ключевым [Морен, 2021, с. 47–48]. Он позволяет увидеть, как локальный акт имплантации или использования интерфейса вплетается в глобальные сети, порождая непреднамеренные последствия для образа человека, которые невозможно вывести из простой суммы технологических функций.

Анализ феномена киборгизации в темпоральном и экзистенциально-феноменологическом измерениях показывает, что подразумевается пересмотр самих базовых категорий, в которых мы мыслим человеческое существование – времени, телесности, чувственного опыта и воплощенности. Это не просто «сращение с техникой», а становление новой онтологической формы, чья нестабильность и процессуальность становятся ее определяющими характеристиками. В контексте статьи, это означает, что образ постчеловека все меньше может быть описан в терминах завершенных проектов и все больше – в терминах непрерывного становления, открытой процессуальности и принципиальной экзистенциальной неустойчивости, что ставит перед философской антропологией задачу разработки нового концептуального языка.

Идея «достроенного» человека ясно отражена в концепте Homo sapiens perimplens И. Фейгенберга: человек как единый организм, «достроивший себя» за счет технологий, и уже нежизнеспособный без них [Фейгенберг, 2011]. Технологические «продолжения» становятся неотъемлемыми, эти достроения превращают индивида в смешанную реальность, в которой границы онлайн- и офлайн-сред стираются. С одной стороны, такая модель обещает безграничные перспективы расширения возможно-

стей и способностей человека, но с другой, несет риски радикальных изменений образа жизни.

На практике киборгизация уже пересматривает социальные и культурные нормы. Например, «надстройки» вроде умных протезов или носимых компьютеров меняют представление о телесной автономии и о том, где заканчивается тело человека и начинается техника [Гуров, 2024, с. 4]. Изменяется даже понятие «зрячего» человека – если техно-имплант передает зрительную информацию, граница между органикой и инструментом размывается. В итоге формируется новая форма идентичности, где человек, «подключенный» и технически «достроенный», становится обитателем нескольких реальностей одновременно. Это накладывает отпечаток на социальную практику – от приватности данных (например, киберимплант хранит информацию о движениях и решениях), до новых вопросов власти (кому принадлежит информация, генерируемая «кибертелом»).

Таким образом, киборгизация отражает трансформацию субъекта. Она выводит анализ за рамки чисто биологических характеристик, заставляя учитывать сеть связей «человек-машина-среда». Это эмерджентный эффект сложной системы, где человеческое сознание и техники взаимно дополняют и изменяют друг друга. В результате антропологический образ постчеловека включает в себя не просто биологические тела, но гибридные тела – техно-энвайронменты, требующие переосмысления идентичности, автономии и ответственности личности.

Социально-политические и этические последствия технизации

Технологические трансформации, формирующие образ постчеловека, неизбежно влекут за собой фундаментальный пересмотр социальных и политических оснований человеческого общежития. Если технизация изначально предстает как инструмент расширения возможностей, то в социальном поле она быстро обретает амбивалентную природу, становясь одновременно фактором эмансипации и нового закрепощения, демократизации и установления непрозрачных форм власти. Этот парадокс проистекает из самой логики развития сложных социотехнических систем, где технологические артефакты и инфраструктуры не нейтральны, а воплощают в себе определенные ценности, властные отношения и модели социального поведения.

Центральной проблемой здесь выступает углубление социального неравенства, приобретающего не только экономическое, но и биологическое, когнитивное и онтологическое измерения. Речь идет о формировании новой иерархии, основанной на доступе к технологиям усиления.

Как справедливо отмечает Ф. Фукуяма, биотехнологические улучшения, такие как генная инженерия или ноотропы, рискуют создать «двухъярусное» человечество, где «улучшенные» индивиды получат не-

справедливые преимущества перед теми, кто по экономическим или идеологическим причинам остался в рамках «естественной» биологии [Фукуяма, 2004]. Эта перспектива не просто воспроизводит старые классовые противоречия, но и придает им характер эссенциального, трудно преодолимого разрыва, закрепленного на телесном и потенциально генетическом уровне. Возникает угроза новой формы «биологического гражданства», где права и социальный статус будут опосредованы технологической модификацией.

Технологии выступают одновременно как фактор дифференциации возможностей (биотехнологические и цифровые улучшения, доступ к которым распределен неравномерно) и как средство перераспределения власти (алгоритмы, платформенные экосистемы, новые каналы политического влияния). Как подчеркивает В.И. Данилов-Данильян, концентрация цифровых ресурсов и технологических возможностей в руках узкого круга акторов приводит не только к усилению социально-экономического неравенства, но и создает предпосылки для эрозии демократических механизмов через монополизацию данных, платформенное управление информацией и асимметрию доступа к инструментам управления и участию в публичной жизни. В этих условиях необходимы институциональные механизмы регулирования и защиты, направленные на демократизацию доступа к цифровым ресурсам и на укрепление общественного контроля над технологическими архитектурами [Данилов-Данильян, 2022, с. 1124–1125]. На этом фоне принцип «ответственности» Г. Йонаса предлагает ключевую нормативную ориентировку. Автор настаивает на смещении акцента с простой оценки технической осуществимости на многоуровневый анализ долговременных нравственных, социальных и политических последствий технологических вмешательств. Г. Йонас формулирует «долг» обеспечивать будущее человечества и утверждает, что этика должна предшествовать технике и ограничивать технологические практики тогда, когда они ставят под угрозу условия человеческого существования [Йонас, 2024, с. 34].

Параллельно с этим цифровая среда и платформенная экономика порождают иные механизмы дифференциации и контроля. Концепция «капитализма наблюдения» Ш. Зубофф позволяет увидеть, как извлечение и анализ поведенческих данных превращают человеческий опыт в сырье для прогнозирования и управления поведением [Зубофф, 2022]. Алгоритмические системы, управляющие финансами, доступом к информации, правосудием или трудоустройством, зачастую воспроизводят и усиливают существующие социальные предрассудки, оставаясь при этом «черными ящиками» с точки зрения публичной подотчетности. В.И. Данилов-Данильян указывает на опасность монополизации цифровых ресурсов и «платформенного управления» публичной сферой, что приводит к эрозии демократических институтов через асимметрию доступа к данным и инструментам влияния [Данилов-Данильян, 2022, с. 1125]. В таком контексте «кибертело» постчеловека становится не только расширенным, но и пер-

манентно отслеживаемым и управляемым, а приватность и автономия личности оказываются под угрозой.

Этическая рефлексия в условиях подобных вызовов требует выхода за рамки утилитаристской логики эффективности. Принцип ответственности, сформулированный Гансом Йонасом, приобретает новую актуальность, смещая фокус с сиюминутной выгоды на долгосрочные последствия технологических вмешательств для будущих поколений и самой планеты [Йонас, 2004, с. 34]. Г. Йонас настаивает на «эвристике страха», призывая предвидеть наихудшие сценарии и принимать их в качестве нормативного ориентира для принятия решений. Однако в условиях радикальной неопределенности и несводимой сложности техносоциальных систем этот принцип требует дополнения подходами, учитывающими распределенный характер ответственности. Концепции «ответственных исследований и инноваций» (Responsible Research and Innovation, RRI) и «этики в дизайне» предлагают практические рамки для интеграции этических соображений на ранних стадиях разработки технологий, вовлекая в диалог ученых, инженеров, регуляторов и гражданское общество.

Особую остроту приобретает вопрос о природе власти и субъектности в гибридной реальности. Если традиционные политические теории оперировали понятиями суверена, народа и общественного договора, то в условиях проникновения алгоритмов в ткань социального возникают новые, диффузные и децентрализованные формы управления. Антиципируя эти изменения, ряд исследователей говорят о становлении «алгократии» – системы управления, в которой ключевые решения принимаются или существенно зависят от алгоритмических систем, не обладающих человеческими представлениями о справедливости или контексте. Этот процесс можно рассматривать как часть более широкого тренда, описанного С.А. Смирновым в новом технологическом укладе человек рискует превратиться в «приложение к технологии», «соподчиненный винтик машинизированного социума», где управленческая и смысловая агентность переходит от индивида к проектировщикам систем и самим технологическим платформам [Человек и новый…, 2023]. Политическая агентность индивида в такой системе оказывается проблематизированной, поскольку с одной стороны, он обретает беспрецедентные возможности для сетевой самоорганизации и создания контрпублик, с другой, его выборы и предпочтения могут формироваться персонализированными информационными потоками и поведенческими микроменеджментом.

Эта тенденция к перераспределению агентности получает новое измерение в связи с развитием технологий искусственного интеллекта и, в частности, автономных AI-агентов. Речь идет уже не просто о пассивном сборе данных или таргетировании рекламы, но и о системах, способных самостоятельно ставить подцели, выбирать инструменты и корректировать свои действия без непосредственного участия человека [Богданова, 2025]. Как отмечается в современных исследованиях, принципиальным отличием

AI-агентов нового поколения является их инициативный характер – они не ждут команд, а действуют автономно в рамках заданных параметров, создавая устойчивый эффект самостоятельного, целеполагающего поведения. Это порождает ситуацию «делегированного действия», где человек передает машине не только исполнение, но и значительную долю планирования и принятия решений, что ставит вопрос о границах контроля и природе остающейся у него субъектности.

Таким образом, политико-социальный вектор анализа технизации раскрывает ее как поле напряженной борьбы за определение будущего антропологического и социального порядка. Технологии здесь выступают не просто фоном, а активным участником перераспределения власти, конструирования новых форм неравенства и переопределения границ моральной и политической общности. Преодоление редукционистских прогностических нарративов требует, как подчеркивает Э. Морен, «сложностного мышления», способного удерживать взаимосвязь между локальными инновациями, глобальными рисками и необходимостью выработки новых коллективных норм и институтов [Морен, 2021, с. 48]. Ответ на эти вызовы лежит не в отказе от технологического развития, а в его сознательной ориентации на укрепление человеческого достоинства, социальной справедливости и демократического контроля над теми силами, которые претендуют на пересмотр самых основ человеческого бытия.

Заметно, что прогностические нарративы XX века сочетают технологическую логику, например, NBICS-тренды, развитие нейротехнологий, с мифопоэтическими образами, литературными утопиями / антиутопиями, популярными медиа-повествованиями. Это означает, что чисто технические сценарии редко воздействуют на массовое воображение с такой силой, как культурно-символические образы постчеловека, следовательно, исследование прогностики требует синтеза технических, культурных и медиааспектов [Маклюэн, 2003]. В отечественной традиции этот синтез развивают работы по истории и философии техники и медиа. Фролов демонстрирует, как технические нарративы и «мифы машины» трансформируются в культурные образы и художественные сценарии, формирующие антропологическое воображение [Фролов, 1983, с. 60–66], а В.И. Данилов-Данильян дополнительно показывает институциональные и социо-технические механизмы, через которые цифровые практики и медиа-инфраструктуры закрепляют эти образы в общественном понимании [Данилов-Данильян, 2022, с. 1124].

Заключение

Проведенный анализ прогностических нарративов XX века позволяет сделать вывод о том, что формирование антропологического образа «постчеловека» является не предсказанием, а сложным процессом концептуального конструирования, отражающим глубокие философские конфликты эпохи технизации. Как показало исследование, эти нарративы об-

разуют не единую доктрину, а поле противоборствующих проектов, задающих различные траектории осмысления будущего человека.

Центральным ядром наиболее радикальных сценариев выступает метафизико-онтологическая редукция человека в трансгуманистическом дискурсе, где человек редуцируется до совокупности биомеханических и информационных функций, что облегчает представление о нем как об объекте инженерного проектирования и открывает путь к идеям замещения и цифрового бессмертия. Эта редукция, подвергаемая критике за утрату человеческой сущности и достоинства, ставит под вопрос всю традицию философской антропологии, порождая «опыт инаковости» и требуя пересмотра классических критериев самости.

В противовес этому постгуманистические интерпретации Р. Брайдотти и теория сложности Э. Морена предлагают иной ракурс, смещая акцент с утраты «сущности» к исследованию новых форм распределенной и «кочевой» субъектности, возникающих на стыке органического, технического и культурного. Этот подход позволяет рассматривать технизацию не как простое упразднение человека, а как сложную трансформацию условий его воплощенности и самоидентификации.

Второй ключевой вектор – феномен киборгизации – демонстрирует, что интеграция технологий ведет к онтологическому сдвигу, стирающему границы между телом и артефактом и преобразующему саму структуру переживания Я. Концепция «достроенного» человека фиксирует переход к новой, гибридной реальности, где технологические расширения становятся неотъемлемой частью идентичности, а их потеря переживается как экзистенциальная утрата. Этот процесс требует переосмысления автономии, приватности и ответственности личности в условиях принципиальной технологической открытости.

Наконец, социально-политический и этический анализ выявляет амбивалентность технизации, которая одновременно выступает как фактор потенциального усиления и как источник новых, биологических и цифровых форм неравенства, алгоритмического управления (алгократии) и эрозии демократических институтов. В этих условиях принцип ответственности Г. Йонаса и коэволюционные стратегии, основанные на междисциплинарности (RRI), предлагают необходимые нормативные и методологические ориентиры для формирования ответственных прогностических практик. Речь идет о концептуальных рамках, сложившихся в русле социальной оценки техники и STS-подходов, которые ориентированы на интеграцию этической рефлексии, вовлечение общественности и учет социогуманитарных последствий технологического развития на ранних стадиях инновационных процессов.

Прогностические нарративы о постчеловеке выполняют роль мощного инструмента «антропологического воображения», опосредующего взаимосвязь между технологическими инновациями, философской рефлексией и социальными практиками. Преодоление редукционистских

ограничений и выработка адекватных образов будущего возможны только на пути целостного, «сложностного» мышления, способного удерживать в единстве философско-антропологическую критику, этическую оценку и анализ конкретных социотехнических динамик, формирующих контуры постчеловеческого горизонта.

Наконец, в изученных источниках подчеркивается необходимость целостной междисциплинарной перспективы, и я разделяю такую точку зрения. Простые ответы – тотальный технооптимизм или радикальный неолуддизм – малоэффективны. Вместо этого предлагаются коэволюционные стратегии, основанные на сочетании философской антропологии, этики, социологии, политологии и технологического анализа – подходы, позволяющие выстроить прогностические практики, тестируемые и по моральным, и по социальным критериям [Данилов-Данильян, 2022, сс. 1124–1125; Фукуяма, 2004]. Э. Морен в своих работах призывает учитывать сложность систем и избегать редукционизма при прогнозировании технобудущего, такой методологический посыл является ключевым для исследуемой темы, так как он позволяет удержать фокус на сочленении прогноза и антропологического воображения [Морен, 2021, сс. 47–48]. Только при такой системной перспективе возможно сформировать прогностические практики, которые будут не только конструировать образы будущего, но и проверять их на соответствие нравственным и социально-политическим критериям.

Список литературы

Аршинов В.И. Наука как когнитивно-семиотический процесс в оптике парадигмы мышления-вместе-со-сложностностью // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2023. – № 2 (36). – С. 81–94. – DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-81-94

Бирич И.А. Об онтологических основаниях философской антропологии: требования нового мировоззрения // Альтернативы цифровизации: сохранится ли человек в цивилизации будущего? / под ред. Белкиной Г.Л. – Москва : Канон+, 2025. – С. 376–387.

Богданова А. Агенты ИИ (AI Agents) – что это такое и почему они становятся новым этапом развития искусственного интеллекта // vc.ru. 2025. – 28 октября. – URL: https://vc.ru/id4616024/2269495-agenty-ii-chto-takoe-i-kak-oni-menyayut-iskusstvennyy-intellekt (дата обращения: 14.02.2026).

Брайдотти Р. Постчеловек. Москва : Из-во Института Гайдара, 2021. – 408 с. – URL: https://ru.scribd.com/document/557850213/ (дата обращения: 19.10.2025).

Гнатик Е.Н., Лисеев И.К. Эпоха постчеловека как трансгуманистический образ будущего // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 284–293. – URL: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_11_284_293 (дата обращения: 05.11.2025).

Гришечкина Н.В., Тихонова С.В. Нейрохакинг как игра со временем: от хроноинженерии к новой хронополитике // Человек. – 2021. – Т. 32, № 6. – С. 102–116.

Гуров О.Н. Киборгизация человека: социальные и культурные аспекты // Искусственные общества. – 2024. – Т. 19, вып. 1. – DOI: 10.18254/S207751800030203-2 – URL: https://artsoc.jes.su/s207751800030203-2-1/ (дата обращения: 21.12.2025).

Данилов-Данильян В.И. Цифровизация 2020-х и кибернетизация 1960-х: сопоставления и уроки // Вестник Российской академии наук. – 2022. – Т. 92, № 12. – С. 1124–1132. – DOI: 10.31857/S0869587322120040 – URL: https://sciencejournals.ru/cgi/getPDF.pl?jid=vestnik&year=2022&vol=92&iss=12&file=Vestnik2212004DanilovDanilya.pdf (дата обращения: 02.11.2025).

Емелин В.А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 103–115. DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-1-103-115

Емелин В.А. Технологии как фактор трансформации идентичности: становление HOMO TECHNOLOGICUS // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 9–18. – DOI: 10.11621/npj.2016.0102 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-kak-faktor-transformatsii-identichnosti-stanovlenie-homo-technologicus/viewer (дата обращения: 22.10.2025).

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2022. – 781 с.

Иванова Р.А. Трансгуманизм: от предтеч до парадигмальных установок // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 9(491). – С. 5–13. – DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-5-13 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transgumanizm-ot-predtech-do-paradigmalnyh-ustanovok/viewer (дата обращения: 07.11.2025)

Исакович Е.И., Ларкин Д.В. Проблема стирания границ между виртуальным и реальным миром, как следствие деформации психики человека // Вестник Университета Российской академии образования. – 2023. – № 2. – С. 4–10. – DOI: 10.24412/2072-5833-2-23-2-4-12 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-stiraniya-granits-mezhdu-virtualnym-i-realnym-mirom-kak-sledstvie-deformatsii-psihiki-cheloveka/viewer (дата обращения: 08.11.2025).

Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – Москва : «Айрис-Пресс», 2004. – 480 с. – URL: https://ru.scribd.com/doc/234353084/ (дата обращения: 24.10.2025).

Климова С.М. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // Философские науки. – 2017. – № 4. – С. 68–80. – DOI: https://doi.org/10.17805/zpu.2018.1.2

Коротков Н.В., Фофанов Р.Ю. Наше постчеловеческое будущее: перспективы и альтернатива // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 3. – С. 15–22.

Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. Социально-философский анализ проблем номофобии и интернет-зависимости // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 16–22. – DOI: 10.18522/2687-0770-2024-1-16-22 – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-problem-nomofobii-i-internet-zavisimosti/viewer (дата обращения: 07.11.2025).

Лоскутов Ю.В. Онтологическая критика трансгуманизма // Вестник Омского университета. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 16–24. – DOI: 10.24147/1812-3996.2025.3.16-24

Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – Москва ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с. – URL: https://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // Социология. – 2020. – № 3. – С. – 4–17. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-tsifrovogo-obschestva-trudnosti-rosta-i-riski?ysclid=mloniujqci601339111 (дата обращения: 07.11.2025).

Мантуров О.С. Стратегии воображаемого: виртуальное реальное // Ценности и смыслы. – 2015 – № 3(37). – С. 66–83.

Морен Э. О сложностности. – 2-е изд., эл. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2021. – 284 с.

Попова А.В., Киселевская Л.Е. Концепция постчеловека – новый дискурс XXI в. // История и современность. – 2018. – № 3. – С. 51–65. – DOI: 10.30884/iis/2018.03.03

Ростова Н.Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? : монография – Москва : Проспект, 2022. – 184 с.

Смирнов С.А. Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма // Человек. – 2022. – Т. 33, № 1. – С. 61–79.

Фейгенберг И.М. Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. – Москва : «Медицинское информационное агентство», 2011. – 128 с. – URL: https://knigogid.ru/books/389093-chelovek-dostroennyy-i-etika-civilizaciya-kak-etap-razvitiya-zhizni-zemli/toread/page-1 (дата обращения: 21.12.2025).

Фролов И.Т. О человеке разумном и гуманном, а также о биокиборгах, бессмертии и воскрешении мертвых и вообще о мифологии в век НТР // Наука и жизнь. – 1983. – № 4. – С. 60–66.– URL: https://frolov-it.ru/mem18.html (дата обращения: 26.10.2025).

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. – Москва : Издательство АСТ ; ЛЮКС, 2004. – 349 с.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – Москва : «Весь Мир», 2002. – 144 с. – URL: https://predanie.clients-cdnnow.ru/uploads/ftp/habermas-yurgen/buduschee-chelovecheskoy-prirody/habermas-budushchee-chelovecheskoy-prirody.pdf (дата обращения: 19.12.2025).

Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт : колл. монография / С.С. Аванесов, А.Г. Горбачева, А.С. Зайкова [и др.] ; под ред. Смирнова С.А., Персидской О.А. – Новосибирск : «Офсет-ТМ», 2023. – 498 с. – URL: https://www.philosophy.nsc.ru/sites/default/files/docs/publications/%D0%A7%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%20%D0%B8%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D1%83%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%9A%D0%BE%D0%BB.%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%202023.pdf (дата обращения: 17.12.2025).

Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С.126–135. – URL: http://zpu-journal.ru (дата обращения: 03.03.2021).

Clark A. Natural-born cyborgs : minds, technologies, and the future of human intelligence.– Oxford ; New York : Oxford University Press, 2003. – 240 p.

References

Arshinov, V.I. (2023). Science as a cognitive-semiotic process in the optics of the thinking-together-with-complexity paradigm. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problems of visual semiotics*. *2*(36), 81–94. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-81-94 (In Russ.)

Birich, I.A. (2025). On the Ontological Foundations of Philosophical Anthropology: The Requirements of a New Worldview. In Belkina, G.L. (Ed.). *Alternatives to digitalization: will a person survive in the civilization of the future?* (pp. 376–387). Moscow: Canon+ (In Russ.)

Bogdanova, A. (2025, October 28). AI Agents – what are they and why are they becoming a new stage in the development of artificial intelligence. *vc.ru.* https://vc.ru/id4616024/2269495-agenty-ii-chto-takoe-i-kak-oni-menyayut-iskusstvennyy-intellekt (date of access: 14.02.2026) (In Russ.)

Braidotti, R. (2021). *Postchelovek* [The Posthuman] (D. Khamis, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (Original work published 2013). Retrieved from: https://ru.scribd.com/document/557850213 (date of access: 19.10.2025) (In Russ.)

Clark, E. (2003). *Naturally born cyborgs: Minds, Technologies and the Future of the Human Mind.* Oxford ; New York : Oxford University Press. (In Russ.)

Danilov-Danilyan, V.I. (2022). Digitalization of the 2020s and cybernetization of the 1960s: comparisons and lessons. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. *92*(12), 1124–1132. DOI: 10.31857/S0869587322120040 Retrieved from: https://sciencejournals.ru/cgi/getPDF.pl?jid=vestnik&year=2022&vol=92&iss=12&file=Vestnik2212004DanilovDanilya.pdf (In Russ.)

Emelin, V.A. (2016). Technology as a factor of identity transformation: development of HOMO TECHNOLOGICUS. *National Psychological Journal*. *1*(21), 9–18. DOI: 10.11621/npj.2016.0102 Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-kak-faktor-transformatsiiidentichnosti-stanovlenie-homo-technologicus/viewer (date of access: 22.10.2025). (In Russ.)

Emelin, V.A. (2018). From Neo-Luddism to transhumanism: singularity and vertical progress or identity loss? *Philosophy of Science and Technology*. *23*(1), 103–115. DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-1-103-115. (In Russ.)

Feigenberg, I.M. (2011). *The Completed Man and ethics. Civilization as a stage in the development of Earth's life.* Moscow: Medical Information Agency. Retrieved from: https://knigogid.ru/books/389093-chelovek-dostroennyy-i-etika-civilizaciya-kak-etap-razvitiya-zhizni-zemli/toread/page-1 (date of access: 21.12.2025). (In Russ.)

Frolov, I.T. (1983). About a reasonable and humane man, as well as about bio-cyborgs, immortality and resurrection of the dead, and in general about mythology in the age of Scientific and technical Progress. *Science and Life*. *4*, 60–66. Retrieved from: https://frolov-it.ru/mem18.html (date of access: 26.10.2025). (In Russ.)

Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolucii* [Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution]. (M.B. Levin, Transl.). Moscow: AST Publishers; LUX Books. 349 p. (In Russ.)

Gnatik, E.N., Liseev, I.K. (2023). The posthuman era as a transhumanist image of the future. *Living Standarts of the Population in the Regions of Russia*. *19*(2), 284–293. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_11_284_293 (date of access: 05.11.2025). (In Russ.)

Grishechkina, N.V., Tikhonova, S.V. (2021). Neurohacking as a game with time: from chronoengineering to new chronopolitics. *Chelovek. 32*(6), 102–116. Retrieved from: https://chelovek.iphras.ru/article/view/6988 (In Russ.)

Gurov, O.N. (2024). Human cyborgization: social and cultural aspects. *Artificial societies*. *19*(1). DOI: 10.18254/S207751800030203-2 Retrieved from: https://artsoc.jes.su/s207751800030203-2-1

Habermas, J. (2002). Budushchee chelovecheskoy prirody [The future of human nature]. (Khorkova M.L., Trans.). Moscow: “The Whole World”. Retrieved from: https://predanie.clients-cdnnow.ru/uploads/ftp/habermas (date of access: 19.12.2025). (In Russ.)

Habermas, Yu. (2002). The future of human nature / translated from German. M.: “The Whole World”. 397 p. Available at: https://predanie.clients-cdnnow.ru/uploads/ftp/habermas-yurgen/buduschee-chelovecheskoy-prirody/habermas-budushchee-chelovecheskoy-prirody.pdf

Isakovich, E.I., Larkin, D.V. (2023). The problem of blurring the boundaries between the virtual and real world, as a consequence of the deformation of the human psyche. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. *2*, 4–10. DOI: 10.24412/2072-5833-2023-2-4-12 Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-stiraniya-granits-mezhdu-virtualnym-i-realnym-mirom-kak-sledstvie-deformatsii-psihiki-cheloveka/viewer (date of access: 8.11.2025). (In Russ.)

Ivanova, R.A. (2024). Transhumanism: from forerunners to paradigmatic attitudes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. *9*(491), 5–13. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-5-13 Re-

trieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/transgumanizm-ot-predtech-do-paradigmalnyh-ustanovok/viewer (date of access: 12.11.2025). (In Russ.)

Jonas, H. (2004). Princip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy civilizacii [The principle of responsibility: the experience of ethics for technological civilization] (I. Makhankov, Trans.) Moscow: Iris-Press. (Original work published 1979). Retrieved from: https://ru.scribd.com/doc/234353084/ (date of access: 24.10.2025). (In Russ.)

Klimova, S.M. (2017). Humanitarian expertise and the expert community: formulation of the problem. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. *4*, 68–80. DOI: https://doi.org/10.17805/zpu.2018 (In Russ.)

Korotkov, N.V., Fofanov, R.Y. (2014). Our posthuman future: prospects and alternative. *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*. *3*, 15–22. (In Russ.)

Lokova, M.Yu., Khanova, M.N. & Zakhokhova, M.R. (2024). Socio-philosophical analysis of the problems of nomophobia and Internet addiction. *Bulletin of higher educational institutions. North Caucasus region. Social sciences*. *1*, 16–22. DOI: 10.18522/2687-0770-2024-1-16-22 Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-problem-nomofobii-i-internet-zavisimosti/viewer (date of access: 07.11.2025). (In Russ.)

Loskutov, Yu.V. (2025). Ontological criticism of transhumanism. *Herald of Omsk university. 30*(3), 16–24. DOI: 10.24147/1812-3996.2025.3.16-24 (date of access: 17.12.2025). (In Russ.)

Mammadov, A.K., Pisareva, L.Y. (2020). Metamorphoses of the digital society: difficulties of growth and risks. *Sociology. 3*, 4–17. Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-tsifrovogo-obschestva-trudnosti-rosta-i-riski?ysclid=mloniujqci601339111 (date of access: 7.11.2025). (In Russ.)

Manturov, O.S. (2015). Strategies of the imaginary: virtual reality. *Values and meanings*. *3*(39), 66–83. (In Russ.)

McLuhan, M. (2003*). Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: the extensions of man]. (V.G. Nikolaev, Trans.). Moscow; Zhukovsky: CANON-Press-C, Kuchkovo Pole. (Original work published 1964). Retrieved from: https://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (date of access: 26.10.2025). (In Russ.)

Morin, E. (2021). *O slozhnosti* [On complexity] (2nd ed.) (Ya.I. Svirsky, Trans.). Moscow: Institute of General Humanitarian Research. (Original work published 2008) (In Russ.)

Popova, A.V., Kiselevskaya, L.E. (2018). The concept of the posthuman – a new discourse of the 21st century. *History and modernity*. *3*,51–65. DOI: 10.30884/iis/2018.03.03. (In Russ.)

Rostova, N.N. (2022). *The soft power of posthumanism. What prevents us from thinking in Russian?* Moscow: Prospekt. 184 p. (In Russ.)

Smirnov, S.A. (2022). Our inhuman future, or Tricks of transhumanism. *Chelovek*. 33(1), 61–79 (In Russ.)

Smirnov, S.A., Persidskaya, O.A. (eds.). (2023). *Man and the new technological order. Anthropological foresight*: koll. monografiya. Novosibirsk: Offset-TM. Retrieved from: https://www.philosophy.nsc.ru/sites/default/files/docs/publications/%D0%A7%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%20%D0%B8%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D1%83%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%9A%D0%BE%D0%BB.%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F%202023.pdf (date of access: 17.12.2025). (In Russ.)

Yudin, B.G. (2005). From ethical examination to humanitarian examination. *Knowledge. Understanding. Skill. 2*, 126–135. Retrieved from: http://zpu-journal.ru (date of access: 03.03.2021). (In Russ.)

Zuboff, S. (2022). Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti [The formation of survelliance capitalism: The fight for human future at the new frontier of power]. (A.F. Vasileva, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (Original work published 2019) 688 p. (In Russ.)